

АРХИВ ДЧ

И. Кукулин

«НА УЧЕНИКОВ ЭТО ПРОИЗВЕДЕНИЕ ДЕЙСТВУЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНО»: РОМАН «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» И ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЧТЕНИЯ ПОСЛЕ XX СЪЕЗДА КПСС*

Социология чтения в СССР была фактически запрещена до конца 1950-х гг. Официально принятая советская концепция массового чтения была нормативной, направленной на минимизацию индивидуальных различий в рецепции. Один из самых сложных вопросов при изучении истории литературной рецепции в СССР — изменение репутации ключевых произведений сталинского времени в 1950–1970-е гг. Эта статья — комментарий к уникальным архивным документам: письмам школьного учителя Евгения Зиберова, требовавшего в 1956 г. исключить роман Михаила Шолохова «Поднятая целина» из школьной программы по литературе. Изучение аргументации Зиберова позволяет проследить изменение «горизонта ожиданий» читателей послесталинской эпохи. Статья предвзывает публикацию откомментированного корпуса писем.

Ключевые слова: Михаил Шолохов, «Поднятая целина», Евгений Зиберов, «Оттепель», XX съезд КПСС, рецептивная эстетика, горизонт ожиданий, моральная паника, советско-югославские отношения.

Несмотря на цензурные запреты и идеологические препоны, в 1950–1960-е гг. в СССР начала медленно возрождаться социология чтения, развитие которой была насильственно прервано в конце 1920-х[#]. Однако исследование того, как в разные периоды советской истории *менялась* рецепция известных произведений, началось только в самое недавнее время. История меняющихся читательских стратегий в имперской России осмыслена существенно лучше¹.

* Статья и публикация подготовлены в рамках научно-исследовательского проекта Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС «Стратегии институционального строительства в послесталинском СССР (образование, наука, культура)». Благодарю Е. А. Добренко, Н. В. Корниенко, О. Л. Лейбовича, Е. С. Романичеву и Людмилу Федорову (Milla Fedorova) за ценные консультации.

Это различие в степени разработанности проблемы вызвано двумя причинами. Во-первых, культура чтения в СССР резко отличалась и от дореволюционной, и от культуры чтения в других странах; для того, чтобы разработать концептуальный аппарат для ее описания, понадобилось новаторское исследование Евгения Добренко «Формовка советского читателя» [Добренко 1997]. Добренко показал, что для советских представлений о чтении были характерны нормативность и, пользуясь его собственным термином, «педагогизация» [Там же: 24]. Читатель в СССР начиная с 1920-х гг. должен был воспринимать художественные произведения как учебник жизни, а разнообразие читательских трактовок одной и той же книги было второ-, если не третьестепенным вопросом по сравнению с тем, какой «главный» смысл несет произведение. Вторая причина — недостаток источников. В 1930–1950-е гг. в СССР была фактически запрещена социология, и опросы о любимых книгах были призваны показать не разнообразие, а единообразие вкусов². «Ненормативные» суждения о литературных произведениях в печатных источниках советского времени встречаются крайне редко.

Из-за этих сложностей изучение истории советской литературной рецепции пошло по двум направлениям.

Первое было сфокусировано на том, как менялась декларируемая норма, а именно — одобряемая государством интерпретация произведений литературы, включенных в советский канон. Наибольшее развитие этот подход получил в работах о школьных учебниках литературы. О них писал сначала Добренко в своей книге, а затем Евгений Пономарев — в многочисленных статьях и обобщающей монографии [Пономарев 2012].

Второй путь, реализованный только в 2010-е гг., — это изучение оценок, высказанных в письмах читателей к писателям и в редакции журналов и издательств ([Лейбович 2009]; [Kozlov 2013]; [Maуofis 2015]). Уже первые работы на эту тему выявили очень важную проблему: любое сколько-нибудь инновативное произведение в СССР ставило читателей перед необходимостью психологической, социальной и/или исторической рефлексии и выработки языка для такой рефлексии, который приходилось изобретать «на ходу», так как в публичной сфере образцы таких дискурсов отсутствовали или были крайне ограниченными³.

Работа с читательскими письмами позволяет описать в первую очередь реакцию на *недавно опубликованные* произведения. «Слепым пятном» остаются изменения в индивидуальном вос-

приятии произведений, написанных в советское время: как ту или иную книгу по-разному воспринимали в разные периоды между 1917 и 1991 гг.⁴ Еще одна лакуна — изменение представлений о том, что и зачем должны читать советские дети и подростки; почти единственными источниками информации на эту тему являются публичные — и, следовательно, цензурированные — высказывания детских писателей, педагогов и тщательно отобранных «представителей общественности».

В 2015 г. в фондах ЦК КПСС в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) М. Л. Майофис обнаружила уникальные материалы, позволяющие начать исследование этих «слепых пятен». Это пакет документов, который никому не известный свердловский учитель в 1956 г. послал в ЦК, требуя — именно требуя, а не предлагая! — немедленно исключить из школьной программы роман Михаила Шолохова «Поднятая целина». Публично подобное предложение было высказано в СССР только через 31 год: в «Московских новостях» от 9 августа 1987 г. журналист Лев Воскресенский предлагал исключить из школьной программы «Поднятую целину» как роман, пропагандирующий сталинскую, то есть основанную на насилии программу коллективизации и раскулачивания⁵. Автор письма в ЦК предлагал в 1956 г. то же самое и по той же самой причине, но воспользовался совершенно иной риторикой, чем Воскресенский.

В разных текстах этот человек называет себя по-разному: то Евгений Зильбер, то Евгений Зиберов, то Евгений Землянский. Так как в справке, подготовленной в ЦК, его называют Зиберовым, то в этой заметке дальше он будет фигурировать под этим именем.

Послание Зиберова (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 9. Л. 31–68) состоит из четырех текстов: 1) сопроводительного письма в ЦК; 2) обращения ко всем представителям партийного и литературного руководства, кого свердловский учитель считал ответственными за возможное изменение репутации Шолохова и его сочинений (письмо было адресовано одновременно М. А. Суслову, члену бюро ЦК по РСФСР А. П. Кириленко⁶, министру просвещения РСФСР Е. И. Афанасенко, секретарю Союза писателей СССР А. А. Суркову, «старейшему писателю» Ф. В. Гладкову и главному редактору «Литературной газеты» В. А. Кочетову⁷); 3) открытого письма Шолохову, которое Зиберов просил опубликовать и 4) антишолоховской критической статьи «О компромиссах в литературе и критике».

К этим опусам приложена записка заведующего отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР Н. Д. Казьмина (1904–1963), из которой явствует, что уральский учитель накликал на свою голову серьезные неприятности:

Письмо Е. Зиберова представляет собой злобствующий выпад против политики партии в колхозном строительстве и против романа М. Шолохова «Поднятая целина».

По сообщению зав. отделом агитации Свердловского обкома КПСС т. Воробьева, Е. Зиберов <...> немолодой педагог-биолог, беспартийный. Среди преподавателей он зарекомендовал себя как демагог, как человек политически незрелый, несамокритичный, страдающий зазнайством и высокомерием. В настоящее время его нет в Свердловске. Как только Зиберов вернется из отпуска, он будет приглашен для беседы в обком КПСС...⁸

Неприятности могли бы оказаться еще серьезнее, если бы это обращение было получено не летом 1956-го, а несколькими месяцами позже — после восстания в Венгрии, подавленного советскими войсками. Начиная с декабря 1956 г. партийное руководство было озабочено усилением контроля над молодежью и творческими элитами, так как ослабление такого контроля в Венгрии было сочтено одной из главных причин восстания. В 1957 геолог из города Молотова (Перми) Иван Шарапов за «неправильные» письма о литературе, адресованные советским писателям, был арестован и провел 10 месяцев в тюрьмах и спецпсихбольницах [Лейбович 2009: 16].

Нижеследующая публикация состоит из трех частей — сопроводительного письма (л. 33), «обращения» Зиберова (л. 33–38) и его открытого письма к Шолохову (л. 39–57); статья «О компромиссах в литературе и критике» во многом повторяет или варьирует основные мысли этих двух текстов, поэтому в публикацию не включена. Сочинения свердловского преподавателя представляются мне настолько важным источником по истории литературной рецепции в период «оттепели», что я позволил себе представить их вниманию читателей, хотя никакой информации об их авторе, несмотря на предпринятые поиски, мне обнаружить пока не удалось, и я могу судить о нем только по косвенным данным.

Скорее всего, Зиберов был учителем не биологии, а литературы (или обоих предметов сразу) — перестраховавшийся «т. Воробьев», вероятно, решил, что будет наказан, если выяснится, что прямо перед его носом «злобствующий» преподаватель вел идео-

логически важные уроки. Исходя из текстов, можно предположить, что Зиберов родился в конце 1900-х или начале 1910-х гг., получил филологическое или литературное образование, в начале 1930-х гг. жил в Москве и, скорее всего, был тогда начинающим писателем.

О том, что Зиберов преподавал литературу, говорит не только тема его письма, но также его хорошее знакомство с недавно (в 1955 г.) вышедшей школьной «методичкой» В. В. Гуры по изучению Шолохова. Вообще литературная образованность автора, несмотря на некоторые ошибки и подтасовки в цитатах (скорее всего, невольные), по меркам 1956 г. впечатляет: так, он цитирует по памяти не самый известный рассказ Фаддея Булгарина «Предок и потомки» и «Авторскую исповедь» Гоголя — ни то, ни другое в советское время не переиздавалось. Уральский учитель очень внимательно читал материалы Второго съезда писателей в 1954 г., следил за «Литературной газетой» и новыми выпусками литературных журналов (в комментариях к публикации его ссылки расшифрованы; кроме того, в статье «О компромиссах...» Зиберов ссылается на различные тексты из журнала «Октябрь»). «Товарищ Воробьев» назвал Зиберова беспартийным — но при этом свердловский учитель явно был хорошо знаком и с докладом Хрущева «О культе личности и его последствиях», который зачитывали только на закрытых партийных собраниях, и с закрытым письмом ЦК 1953 г., в котором объяснялись причины ареста и расстрела Л. П. Берии. Следовательно, Зиберов либо к моменту написания письма был исключен из партии, либо, будучи беспартийным, всеми силами стремился узнавать о содержании засекреченных директив ЦК.

В финале письма Шолохову Зиберов сообщает, что в 1933 г. он был одним из «подписантов» критического по отношению к «Поднятой целине» коллективного письма московских студентов и молодых литераторов и что тогда он назвал себя «Землянский (Зиберов)». Такая подпись напоминает раскрытие литературного псевдонима, как если бы автор полагал, что Шолохов мог видеть его публикации под именем Землянский. Кроме того, дискуссия о творчестве Шолохова в феврале 1933 г., после которой появилось указанное письмо, прошла в Государственном издательстве художественной литературы (ГИХЛ), и случайных людей там, вероятно, не было⁹.

Зиберов был очень хорошо осведомлен о московских литературных слухах 1929–1933 гг., он владел информацией, которая

ни в 1956 г., ни до конца советского времени не обсуждалась в печати: он знал, что Шолохова в 1928–1930 гг. обвиняли в плагиате, что Фадеев пытался заблокировать публикацию одного из романов Шолохова (правда, Зиберов не знал или не помнил, какого именно¹⁰), что заказ на написание романа о коллективизации будущей нобелевский лауреат получил, скорее всего, в январе 1930 г. в ходе беседы со Сталиным и что диктатор лично вмешивался в споры Шолохова с цензурой. Система литературных приоритетов Зиберова — его ссылки на Федора Панферова, Владимира Ставского и Ивана Шухова — тоже характерна для начала 1930-х. Критики того времени часто сближали сочинения этих авторов: «...наряду с такими значительными вещами, посвященными проблеме социалистической переделки деревни, как “Бруски” [Панферова], как “Разбег” [Ставского], как “Ненависть” [Шухова] (явившимися своеобразным “историческим приготовлением” “Поднятой целины”...)» — писал весной 1933 г. бывший рапповец И. С. Макарьев [Макарьев 1934: 35–36]¹¹.

Из этого можно заключить, что Зиберов в начале 1930-х был начинающим писателем, жившим в Москве, имевшим много контактов в литературной среде, скорее всего — рапповцем: роспуск РАПП и Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП) в 1932 г. он упоминает как репрессивную меру, после которой остановить Шолохова якобы стало уже невозможно. Можно только догадываться, по каким причинам этот человек оказался в 1956 г. беспартийным учителем, жившим на промышленной окраине Свердловска.

Школа, в которой он преподавал, была семилеткой — ныне это средняя школа № 14 Екатеринбургa. Она была основана в 1947 г. в поселке Пивзавода и вплоть до переезда в специально построенное здание (1961) соседствовала с женским отделением общественной бани. «Через нетолстую стену в нескольких классах всегда было слышно звон тазов, стук шаяк, плеск воды и милые голоса моющихся женщин», — писал в автобиографической повести выпускник школы, прозаик Николай Никонов¹². Вот в такой обстановке Зиберов и преподавал.

Публикуемые тексты дают основание увидеть в нем человека раздражительного, нетерпимого, пристрастного. Вероятно, человек другого склада — более рефлексивный и сдержанный в формулировках — не стал бы по такому поводу писать в 1956 г. письмо в ЦК. Однако наивные и временами нелепые аргументы Зиберова

следует рассмотреть очень внимательно: они позволяют увидеть, пусть и в гротескном виде, некоторые черты общественного сознания 1956 г. — до нового «похолодания», обусловленного вторжением советских войск в Венгрию в ноябре того же года. С XX съезда до ноября границы дозволенного и недозволенного в советском обществе стали более зыбкими, чем прежде, — и нашлось немало людей, которые стремились воспользоваться моментом и изменить «правила игры», установленные в публичной сфере. Зиберов, судя по его письмам, относился именно к таким экспериментаторам и в этом смысле был близок к уже упомянутому выше пермскому геологу Ивану Шарапову, чьи письма о литературе в 2009 г. опубликовал О. Л. Лейбович: Шарапов в молодости был членом РАПП и, подобно свердловскому учителю, «попыта[лся] проверить литературные сочинения на правдоподобие» и «бич[евал] советский строй за... лицемерие» [Лейбович 2009: 17]. Однако пермский геолог в своих многочисленных обращениях к писателям, критикам и редакторам журналов откликался только на новые произведения (Лейбович даже считает это специфической чертой культуры чтения 1940–1950-х гг. [Лейбович 2009: 6]), а Зиберов писал об изменившемся восприятии «советского классика». Вероятно, он учитывал, что после скандального выступления Шолохова на XX съезде КПСС в советской печати началась осторожная полемика о его творчестве, ставившая под сомнение заслуги автора «Поднятой целины» [Гафуров, Гиндин 1956]. Впрочем, А. Гиндин говорил не о справедливости изображенной Шолоховым картины коллективизации, а лишь о недостаточной продуктивности писателя¹³.

Далее я проанализирую сначала жанрово-стилистические особенности текстов Зиберова, а затем попробую реконструировать их социальные значения и социально-политический контекст.

Современного читателя в текстах Зиберова поражает идеологическая и жанровая какофония. Зиберов, по-видимому, совершенно серьезно воспринял утверждения Хрущева из доклада «О культе личности и его последствиях», согласно которым вину за преступления 1930-х — начала 1950-х гг. несет лично Сталин, но не руководство партии. Поэтому учитель из Свердловска, обвиняя Шолохова (на мой взгляд, совершенно справедливо) в пропаганде сталинистской картины мира, использует в качестве «контраргументов» высказывания... Молотова, Шепилова и Кирова, а главным защитником «правильной» картины мира в литературе объявляет Фадеева, незадолго до того покончившего с собой¹⁴.

Подобный выбор аргументов был характерен именно для ранних антисталинских писем середины 1950-х [Зезина 1999]. Риторика, позволявшая клеймить Сталина и ГПУ с помощью цитат из членов сталинского Политбюро, могла существовать только до конца июня 1957 г., когда Хрущев отстранил от власти «антипартийную группу Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова».

Зиберов активно использует риторику «секретного доклада» Хрущева. Так, обвинения в адрес героев «Поднятой целины» («...Давыдов, являясь уполномоченным райкома партии, сам проводит раскулачивание без суда и следствия, а партячейка и ее секретарь Нагульнов выполняют функции и милиции, и прокуратуры, и суда, и органов ГПУ...» и т. д.) практически прямо воспроизводят хрущевские инвективы:

Мы сейчас разобрались и реабилитировали Косиора, Рудзутака, Постышева, Косарева и других. На каком же основании они были арестованы и осуждены? <...> Арестовывали их, как и многих других, без санкции прокурора. Да в тех условиях никакой санкции и не требовалось; какая еще может быть санкция, когда все разрешал Сталин. Он был главным прокурором в этих вопросах. Сталин давал не только разрешение, но и указания об арестах по своей инициативе (цит. по: [Доклад Н. С. Хрущева 2002: 81]).

С другой стороны, партийный дискурс Зиберов соединяет со стилистикой советских личных жалоб в органы власти, где главным было с первых же строк показать, что проситель доведен до крайности и поэтому дело действительно срочное¹⁵ («Пишу, а у самого слезы на глазах от обиды за советский народ...»), и, что еще более удивительно — русской литературы XIX в.: если «Обращение» Зиберова — документ, выдержанный в совершенно советском духе, то послание к Шолохову ориентировано на знаменитое письмо Белинского к Гоголю 1847 г.¹⁶

Эта какофония перестает казаться столь уж странной, если принять во внимание, что после смерти Сталина в публичном пространстве возник острый дефицит риторических ресурсов, с помощью которых можно было бы говорить об изменении «правил игры» (такие ресурсы вырабатывались и в неподцензурной литературе, но ее авторы не могли рассчитывать на публикацию своих произведений). Одной из немногих альтернатив славословящему языку сталинской эпохи был язык антиавторитарной критики XIX в.: ее тексты были широко доступны. Поэтому Владимир

Померанцев свою знаменитую статью 1953 г. назвал «Об искренности в литературе» с отсылкой к названию статьи Н. Чернышевского «Об искренности в критике» (1854).

Главная претензия к Шолохову, которую высказывает Зиберов, состоит не столько в том, что роман «Поднятая целина» лжив, сколько в том, что он циничен и прививает молодежи лицемерие, растлевает подрастающее поколение «порнографическими сценами» и «заражает его квиетизмом», то есть социальной пассивностью. Из письма Зиберова следует, что нравственность подростков в СССР находится в большой опасности: он пишет, что дети «становятся все грубее, лицемернее и склонны к насилию и обману. Этот вопрос уже обсуждается в печати». Позиция уральского учителя полностью находится в русле тех общественных настроений, которые создали ситуацию т. н. «моральной паники» в СССР 1953–1956 гг.

Термин «моральная паника» (*moral panic*) был введен теоретиком медиа Маршаллом Маклюэном (1964) и социологом Стэнли Коэном (1972)¹⁷. Он означает ситуацию, при которой значительная часть общества начинает считать себя находящейся в состоянии крайней опасности, а главную ее причину видит в конкретной социальной группе. Такая группа может быть ни в чем не виновной (демонизация евреев в нацистской Германии и на оккупированных ею территориях, стигматизация сексуальных меньшинств, иные всплески ксенофобии), но часто моральная паника может выражаться в преувеличенном, катастрофическом страхе перед каким-нибудь действительно негативным явлением, например, перед хулиганами или педофилами, которым приписывается сверхъестественная власть над обществом. Исследовательская группа под руководством одного из ведущих британских социологов культуры Стюарта Холла дала подробный анализ моральной паники в британском обществе 1970-х гг. именно на материале демонизации хулиганов: массовый страх перед агрессивными подростками из бедных пригородов легко мог быть конвертирован в охранительную идеологию и усиление социального контроля за обществом в целом [Hall et al. 1978]. Наконец, моральная паника часто возникает как стихийное явление, но в тоталитарных странах или в обществах в состоянии кризиса она может сознательно подогреваться с помощью медиа (например, страхи перед «троцкистами» в СССР периода Большого Террора¹⁸).

Моральная паника советских 1950-х усиливалась тем, что учителя и журналисты, по-видимому, считали поколение, социализи-

ровавшееся в конце 1940-х, уже потерянным [Fürst 2010] и стремились спасти хотя бы следующую поколенческую волну — тех, кто родился в конце 1930-х — начале 1940-х.

В статье, публикуемой в этом же номере «Детских чтений», М. Л. Майофис подробно пишет о «моральной панике» в СССР середины 1950-х гг., связанной с проблемами подростковой преступности и аморализма. К сказанному ею нужно добавить, что тексты Зиберова, при всей их схематичности и агрессивности, достаточно близки по моральному пафосу к статьям Л. К. Чуковской. Позицию обоих можно описать фразой: «...чтобы спасти детей, им нельзя врать».

Германский теоретик литературы Ханс Роберт Яусс писал, что интерпретация литературного произведения всегда происходит в рамках исторически изменчивого «горизонта ожиданий» — системы социально обусловленных отношений читателя к литературному тексту. Новое произведение может изменить уже сложившийся у читателя горизонт ожиданий [Jauss 1970]. Яусс акцентировал внимание на текстуальном аспекте этих изменений: он полагал, что читательские ожидания обусловлены прежним опытом восприятия других книг. В дальнейшем исследователи рецептивной эстетики и «читательского ответа» (theories of reader's response — аналогичные концепции, разработанные англоязычными учеными) уделяли большее внимание трансформациям социального, психологического и общекультурного опыта, порождающим сдвиг «горизонта ожиданий» — то есть тому, как новый социальный, психологический и т. п. опыт влияет на наше понимание книг [Beach 1993: 49–124].

Письмо Зиберова позволяет увидеть сдвиг «горизонта ожиданий» относительно романа Шолохова, произошедший в 1956 г., после доклада Хрущева «О культе личности и его последствиях». Более того, сохранившийся корпус текстов Зиберова демонстрирует *самый момент изменения*. Главным «триггером» этого сдвига стал роман Шолохова.

С точки зрения Зиберова, после XX съезда стало понятно — и стало возможным говорить публично — что Шолохов «не тому» учит подростков. С точки зрения Зиберова, спасти следующее поколение можно только с помощью правильно подобранного круга чтения: «Все чаще и настойчивее раздаются голоса об усилении воспитательного значения литературы. Одной из причин этого печального факта (то есть “порчи нравов”. — *И. К.*) является изучение

ими в средней школе такого произведения, как «Поднятая целина» Шолохова».

Зиберов обвиняет Шолохова в пропаганде беззакония и насилия. Но если серьезно отнестись к его претензии, то почти весь тогдашний советский школьный канон пришлось бы демонтировать: разве мало насилия описано в «Разгроме» Фадеева или в поэмах Маяковского? По-видимому, Зиберов интуитивно точно попал в самое болезненное место советского канона, но у него не было языка, чтобы объяснить, почему именно сцены насилия в «Поднятой целине» его особенно возмущали.

Эти сцены удивляли уже читателей середины 1930-х — в первую очередь тем, что насилие остается там безнаказанным и изображается как допустимая норма при коллективизации. Так, даже доброжелательно относившийся к Шолохову Иван Макарьев недолго писал:

...Секретарь ячейки Нагульнов избивает середняка Банника. Банник подает жалобу прокурору. Как же реагирует на эту жалобу прокурор? У Шолохова получается, что *никак!* Никто Нагульнова не судит, выговор по партийной линии он получает «по совокупности» с другими делами, его оставляют секретарем ячейки. Так *не могло быть*, это не типично [Корниенко 2003: 92]¹⁹.

Именно такое изображение насилия как необходимого элемента коллективизации и было причиной, по которой первоначально редакция «Нового мира» в 1931 г. не хотела публиковать некоторые главы из «Поднятой целины». Но, вероятно, из-за этой же особенности поэтики роман понравился Сталину. В глазах последнего насилие, творимое Давыдовым, Нагульновым и Разметновым, должно было пугать читателя и выглядеть оправданным безотносительно того, заслужено оно персонажами или нет²⁰. Роман прославлял коллективизацию, утверждая положенные в ее основу репрессии против крестьянства *как новую социальную норму*. По-видимому, эта идеологическая значимость романа была одной из причин, по которой роман Шолохова был включен в школьную программу еще в 1935 г., когда писателю было всего 30 лет — через три года после первой публикации. В учебнике, написанном Л. М. Поляк и Е. Б. Тагером, сообщалось, что главное достоинство романа Шолохова — это борьба «против гуманизма, выгодного только врагам» [Жукова 2010]²¹.

Еще один недостаток «Поднятой целины», о котором с возмущением пишет Зиберов, — эротические сцены. Эротика в романах

Шолохова раздражала читателей еще в 1930–1940-е гг.²². Но Зиберов в своих письмах постоянно связывает сцены насилия и эротики у Шолохова как равно неприемлемые — видимо, потому, что именно у Шолохова, как ни у какого другого советского писателя его поколения, эротическое и сексуальное выступали как знаки власти и насилия²³. Эта ассоциация очень заметна по тем цитатам, которые выбирает Зиберов в «Поднятой целине». По-видимому, он полагал, что именно такое отношение к сексуальности наиболее опасно для подросткового чтения, но не знал, как это объяснить. Впоследствии, хотя и в смягченной форме, такая взаимная перекодировка эротики и насилия стала характерным приемом в «секретарской литературе» 1970-х гг., в опусах Анатолия Иванова и Петра Проскурина, которые так или иначе были учениками Шолохова. Но обсуждение этой линии литературной преемственности выходит за пределы предлагаемой заметки.

В текстах Зиберова можно видеть изменение не только горизонта ожиданий, но и принятых сценариев социального действия²⁴. Он требует не просто санкций против Шолохова, но и общественного осуждения его позиции — и сам готов участвовать в такой кампании.

Корпус текстов Зиберова — одно из ранних свидетельств нового общественного явления: резко усилившегося в период «оттепели» потока критических писем писателям от частных лиц.

В целом посланные учителем в ЦК документы сочетают дискурсивные стратегии сталинского времени и «оттепели». По риторике «обращение» и статья свердловского учителя напоминают о погромных кампаниях конца 1940-х²⁵, но по интенции его письмо к Шолохову явственно перекликается с позднейшими открытыми письмами Лидии Чуковской, обличавшими, в частности, того же самого Шолохова (1966) и распространявшимися в самиздате; или с обращениями к советским литераторам, которые в конце 1950-х и 1960-е гг. рассылал литературовед-диссидент Александр Храбровицкий (см. публикацию его письма к Шолохову, также отправленного в 1966 г., в сборнике: [Храбровицкий 2012]). Зиберов, как и Чуковская, фактически обличал советского классика в измене гуманистическим традициям русской литературы, но, подобно Храбровицкому, использовал в качестве аргумента утверждение, что писатель якобы отступает от ленинских норм.

Из письма Зиберова следует: после того, как Хрущев на XX съезде сообщил о том, что власть Сталина была основана на насилии,

из школьной программы следует исключить книгу, в которой насилие изображается как единственно возможный метод организации общества. Более того, учитель полагал, что Шолохова как главного адепта такого представления нужно подвергнуть общественному осуждению.

Еще одна черта текстов Зиберова соответствует особой интенции советского сознания, которую Евгений Добренко описал в книге «Политэкономика соцреализма» [Добренко 2007]. Главным элементом советской культуры было производство репрезентаций. Зиберов вообще не пишет о реальной коллективизации и о положении в российской деревне, о котором могли не знать его ученики, но хорошо знали деревенские подростки в той же Свердловской области. Он говорит лишь о том, «правильное» или «неправильное» представление о раскулачивании получают подростки из тех или иных романов (Шухов — правильное, Шолохов — «левый уклон»²⁶, Панферов — «правый уклон»).

Однако восторженное цитирование Эдварда Карделя в зиберовском сопроводительном письме свидетельствует, что все же свердловский учитель думал и о реальной коллективизации. Более того, можно предположить, что именно публикация в «Правде» в мае 1956 г. речи Карделя о крестьянских кооперативах в Югославии и спровоцировала Зиберова на немедленное сочинение всего комплекта документов, который он отправил в ЦК летом того же года²⁷. Кардель говорил о том, что при обобществлении земли нужно использовать не репрессии, а, в первую очередь, экономические стимулы, и что в деревне могут быть допущены разные формы собственности. По-видимому, реальная социальная катастрофа, вызванная коллективизацией в СССР, для Зиберова — «слон в комнате» (по американской поговорке), то есть слишком большая проблема, которую в силу ее неразрешимости никто не хочет называть вслух. Публикация речи Карделя дала Зиберову надежду (несбыточную, но это выяснилось лишь впоследствии), что и сталинская концепция коллективизации в СССР будет пересмотрена и что книгу, ставшую главным выражением этой концепции, можно будет изъять из круга чтения подростков.

Ждать этого пришлось больше сорока лет. Шолохов был личным другом Хрущева, и авторитет автора «Поднятой целины» оставался незыблемым. Еще больше он укрепился после того, как Шолохов — не без влияния закулисных политических игр — получил в 1965 г. Нобелевскую премию по литературе²⁸.

В школьной программе, принятой в России в 1991 г., учителям разрешалось по своему выбору давать для изучения 11-классникам «Тихий Дон» или «Поднятую целину» — и это была последняя единая программа по литературе. В 1994 г. российские школы начали работать по авторским программам. Ни в одной из них «Поднятой целины» уже не было.

В публикуемых текстах без оговорок исправлены пунктуационные ошибки и неправильное написание фамилий. Сделанные Зиберовым библиографические ссылки приближены к современному стандарту. Авторские подчеркивания для удобства чтения заменены курсивом.

Сведения из биографии М. Шолохова в комментариях приводятся по изданию: [Летопись 2005].

1

В ЦК КПСС гор. Москва

Уважаемые товарищи!

Обращаюсь к вам как педагог, как родитель и, наконец, просто как гражданин, которому после опубликования Постановления ЦК «О преодолении культа личности и его последствий» противно стало лицемерить и учить тому же детей.

Меня очень беспокоит вопрос об изучении «Поднятой целины» М. Шолохова в школе. Включение этого произведения в школьную программу ставит автора в такое положение, что о нем нельзя иметь своего собственного мнения, а следует верить приспособленческой критике как официальной и, насилуя себя, соглашаться с ней.

На учеников это произведение действует отрицательно. В этом Вы можете убедиться из прилагаемой статьи «О компромиссах в литературе и критике».

В международном отношении это порождает теперь, после приезда Броз Тито²⁹, после статьи Карделя³⁰ и всего разоблачения культа личности, просто конфуз: ведь из всех советских писателей Муссолини и Гитлер разрешили, а Аденауэр и сейчас разрешает печатать одного Шолохова³¹. Это одно обстоятельство каждого мыслящего человека заставляет задуматься: а все ли благополучно с Шолоховым?

Исключение его из школьных программ дает возможность каждому составить свободное мнение о его достоинствах и оценить так, как того он действительно заслуживает.

Если необходимо в школе изучать историю коллективизации, так это лучше всего по произведению Ивана Шухова «Ненависть». Вся эта книга проникнута гуманистическими ленинскими идеями.

Мне говорят, что Шолохов переделывает «Поднятую целину» так, чтобы она была приемлема. Но это же будет являться отвратительным фактом приспособленчества. Чеховский «Хамелеон» превратится тогда в советское социальное зло. Этого педагогически и даже социологически допускать никак невозможно. И без того уже столько мерзостей совершается в нашей литературе, а особенно в критике.

Все эти соображения понудили меня обратиться к Вам с просьбой разобрать прилагаемые при сем материалы и сделать по ним соответствующие распоряжения.

Приложение:

- 1) обращение
- 2) открытое письмо Мих. Шолохову
- 3) статья.

Мой адрес: гор. Свердловск, 10, УЗХМ, ул. Многостаночников, д. № 13, кв. 6.

Зильбер Евгений Иванович.

2

Обращение

К члену Президиума ЦК КПСС тов. М. А. Сулову

Члену бюро по РСФСР тов. А. П. Кириленко

Министру просвещения РСФСР тов. Е. Афанасенко

Секретарю Союза писателей тов. А. А. Суркову

Старейшему писателю тов. Ф. В. Гладкову

Гл. редактору «Литературной газеты» тов. В. А. Кочетову

Педагога школы № 14 гор. Свердловска

Зибера Евгения Ивановича.

Уважаемые товарищи!

Обращаюсь к Вам как педагог и родитель, обеспокоенный за нравственное будущее детей. Они становятся все грубее, лицемернее и склонны к насилию и обману. Этот вопрос уже обсуждается в печати. Все чаще и настойчивее раздаются голоса об усилении воспитательного значения литературы. Одной из причин этого печального факта является изучение ими в средней школе такого произведения, как «Поднятая целина» Шолохова.

Тов. Суслов в своей речи на XX съезде партии говорил: «Враги коммунизма изображают коммунистов как сторонников вооруженных восстаний, насилия и гражданской войны всегда и во всем. Это вздорная клевета на коммунистов» (М. А. Суслов, речь на XX съезде, стр. 13³²).

Разрешите обратить Ваше внимание на то печальное обстоятельство, что коммунистов, «склонных к насилию», изображают не только враги наши, но и один из самых «прославленных» писателей — Михаил Шолохов. Это как раз и является ключом к отгадке того обстоятельства, почему за границей так усиленно распространяют его произведения, наклеивая на них марку «мировых». Враги коммунизма не будут зря платить денег. *Ведь роман рисует радостную для них картину отсутствия законности на Советской земле.* Они платят только за то, что позволяет им, как Аденауэру, громогласно на весь мир заявить: «Мы предпочитаем просвещенный эгоизм Америки вульгарно-демагогическому социализму СССР» и в доказательство сослаться на Шолохова³³.

Шолохов как автор «Поднятой целины» — вульгарный демагог от начала и до конца: в идее произведения, в характерах героев, в языке и даже в своих выступлениях на съездах.

1. *Он грубо изгоняет ленинские принципы организации колхозов и заменяет их сталинскими, искусно обманывая советскую общественность видимостью поддержки этой линии массами. В угоду восхваления сталинской линии он игнорирует партийные документы и, отождествляя ЦК в единой фигуре Сталина, тем самым кладет начало культа личности. Относясь амикошонски к ленинским принципам и нормам руководства, он тем самым проповедует недоверие к мероприятиям партии.*

2. *Шолохов проповедует контрреволюционную троцкистскую теорию сращения партии с государственным аппаратом³⁴. Главный герой «Поднятой целины» Давыдов, являясь уполномоченным райкома партии, сам проводит раскулачивание без суда и следствия, а партячейка и ее секретарь Нагульнов выполняют функции и милиции, и прокуратуры, и суда, и органов ГПУ. Нагульнов сам арестовывает и даже сам расстреливает без суда и следствия, только с разрешения Давыдова. Если Берия пытался установить власть ГПУ над партией и государством, так Шолохов является его творческим вдохновителем.*

Между строк очень легко читается, что Давыдов — тайный агент ГПУ. Здесь Шолохову невольно удалось приоткрыть ма-

ску Давыдова и показать, что под ней скрывается тайный агент. Отсюда очень легко сделать вывод: *партия бюрократилась, рас-творилась в государственном аппарате*, а следовательно, неспособна улучшать этот аппарат насилия и построить коммунизм. Такой явный вывод делают из «Поднятой целины» за границей, а у нас это художественное произведение тайком разъедает веру в чистоту принципов партии.

3. Сцены раскулачивания описываются так, что невольно вспоминаются еврейские погромы, организуемые царской охранкой, и это устраивает не государственная власть, которой по природе свойственно насилие, а коммунистическая партия, взявшая на себя функции государственного аппарата. Как же после этого доказывать, что «...задача наших ученых, художников слова, всех работников области идеологии состоит в том, чтобы показать и раскрыть величие советской социалистической идеологии» (Д. Т. Шепилов, речь на XX съезде, стр. 20)³⁵. Получается досадное противоречие.

4. До таких столпов лицемерия воспитала «Поднятая целина» нашу молодежь, что в нынешнем году выпускники 10-х классов на тему «Творцы новой жизни по роману М. Шолохова “Поднятая целина”» в сочинении писали: «Колхозники проявили хозяйственную заботу о новой жизни. При раскулачивании Лапшинихи Дёмка Ушаков так старался, что оторвал гусыне голову и раздавил все насиженные яйца»³⁶. Учителям и поправить это нельзя, так как более вразумительного примера участия масс в творчестве новой жизни в романе нет, остальное — бунты, воровство да заговоры. Истинного колхоза не чувствуется, и естественно, что это воспитывает у молодежи только наплевательское отношение к колхозной и социалистической собственности.

5. Проповедуя культ личности, приукрашивая и надевая маску истинных революционеров и государственных людей на всех ренегатов, лицемеров, двурушников, головотяпов и мародеров, вместо того, чтобы, как истинному художнику, [в]скрывать эти зловредные маски, Шолохов тем самым превращается в идеолога культа личности, распространяет это явление как социальное зло. Этим самым он подрывает веру в основы конституции и заражает подрастающее поколение квиетизмом.

6. Наконец, нравственность молодежи развращается *порнографическими сценами романа*: «маханием юбками Марины», «ее накрыванием сверху мужиков»³⁷, «нечистоплотностью Давыдова

и Лушки» (sic! — *И. К.*). После прочтения романа только это и запоминается, да еще остается разъедающий яд сомнения в чистоте принципов партии и ее дела.

7. Ничего нравственного и идейно поучительного в романе нет. Весь смысл и цель его распространения заключалась в свое время в утверждении культа личности, в отождествлении персоны Сталина с ЦК и в доказательстве, что «мудрая» сталинская политика выше ленинской. Идея насильственной коллективизации на основах ликвидации кулачества по инициативе «сверху» никогда ЦК в целом не поддерживалась и является персональной мыслью Сталина, в дальнейшем исправлявшейся и исправляемой до сих пор.

Все это в настоящее время стало глубоко ложным, лицемерным и осужденным самим ходом истории.

Прошу воздействовать на Министерство Просвещения об исключении «Поднятой целины» из программы средней школы.

Для восстановления грубо поруганной истины прошу разрешить опубликовать открытое письмо Михаилу Шолохову, при сем прилагаемое.

*Педагог школы № 14 гор. Свердловска
Е. И. Зиберов.*

Адрес: г. Свердловск, Уралхиммаш, ул. Многостаночников, дом № 13, кв. № 6, Зиберов Евгений Иванович.

3

Открытое письмо Михаилу Шолохову

Пишу, а у самого слезы на глазах от обиды за советский народ, за все то зло, которое Вы ему причинили своим романом «Поднятая целина».

Мне говорят: «Ай, Моська, знать она сильна, что лает на слона». Вот еще как огромен Ваш авторитет, даже и после разоблачения культа личности. Мы еще ценим Вас как автора «Тихого Дона». Белинский писал Гоголю закрытое письмо³⁸, но его узнала вся страна, и оно вошло в историю. Возможно, что этому письму не суждено быть открытым, но ответ на него должен быть обязательно: если капля чистой совести у Вас осталась, она должна понудить Вас к ответу, конечно, не лично мне, а всему народу и правительству.

Вас считают «советским Толстым». Вы, как море, велик (sic! — *И. К.*), а я — капелька чистой слезы перед Вами. Однако *взбалаченное море несет на своих волнах тьму и ужас*³⁹, а в светлой

чистой капельке отражается солнце. Да и тень *безвременно погибшего Александра Фадеева, как тень [отца] Гамлета, зовет к восстановлению правды*. Ведь он *первый* начал разоблачать Вашу «Поднятую целину». Он *первый* указал, что *Ваша книга подрывает веру в Конституцию, утверждая власть всесильного ГПУ, что она морально будет разлагать нашу молодежь. Он всячески противился ее напечатанию*, но 23 апреля 1932 г. постановлением за подписью Сталина были ликвидированы РАПП и ВОАПП, и Фадеев был побежден. Вот документы: «Редакция журнала предложила Шолохову изъять целый ряд глав романа, выбросить политически острые места. Лишь только после вмешательства ЦК партии (единолично Сталина) книга увидела свет» (В. В. Гура. Жизнь и творчество Шолохова, с. 44)⁴⁰. Вы жаловались на Фадеева и упорно добивались напечатания «Поднятой целины». ⁴¹ Ведь Вы весь роман написали очень быстро, менее чем в полгода, по заданию Сталина. Когда Вы были у него на аудиенции, возвращаясь из Берлина в январе 1930 г., то получили от него Ваш заказ на «Поднятую целину». ⁴² По Вашей же теории, что «скоро, что слепо», ⁴³ разрешите Вас спросить: какие же «чувства добрые» Вы «лирой» торопились пробудить в читателях?

Вы торопились скорее выполнить заказ и дать *художественную иллюстрацию к тому году «великого перелома», который в это время якобы совершил Сталин в сельском хозяйстве по инициативе «сверху»*. Вот как об этом говорит сам Сталин:

«Своеобразие этой революции состояло в том, что она была произведена “сверху” по инициативе государственной власти, при прямой поддержке “снизу”, со стороны миллионных масс крестьянства, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь» (История ВКП(б), краткий курс, с. 291). Вот к этому пункту *извращенной и противоречащей всем документам истории художественной иллюстрацией является Ваша «Поднятая целина»*.

Официальные документы, как партийные, так и государственные, говорят совершенно о противоположном. Вот эти документы:

«ЦК ВКП(б) со всей серьезностью предостерегает партийные организации против какого бы то ни было “декретирования” сверху колхозного движения, могущего создать опасность подмены действительного социалистического соревнования по организации колхозов, игрою в коллективизацию» (ВКП(б) в резолюциях, ч. 2, 1941, с. 391)⁴⁴. Оказывается, как раз наоборот, ЦК партии категорически запретил декретирование колхозов «сверху».

Поторопились Вы, Михаил Александрович, *оклеветать партию*. Она никогда колхозного строительства не декретировала «сверху», потому что свято выполняла заветы Ленина по этому вопросу: «Произвести не менее ста тысяч тракторов, тогда уже переделывать низкотоварные единоличные хозяйства на крупные, механизированные, колхозные»⁴⁵. *А Вы смешали партию и ЦК с персоной Сталина и поверили его частным статьям, а не официальным партийным документам, и построили весь сюжет романа вокруг статьи «Головокружение от успехов».*

Вспомните, как в то время к этому относились истинные ленинцы. Вот документы:

«Самокритика необходима не только для искоренения всякого рода прорывов и недостатков, она нужна для предупреждения чрезвычайно опасного для нас головокружения от успехов» (С. М. Киров. Избранные статьи и речи 1912–1934. М., 1937. С. 349).

«Надо помнить о большевистской обязанности — не допускать никаких “головокружений от успехов”, опасных для передовых борцов за дело социализма» (В. М. Молотов. В борьбе за социализм. Статьи и речи от XVI до XVII съезда ВКП(б). М., 1934. С. 181).

Вот как оценили это истинные ленинцы. Известно, что с тех пор выражение «головокружение от успехов» сделалось синонимом зазнайства, переоценки своих сил, двурушничества и «головотяпства»⁴⁶.

А Вы, «советский Толстой», взялись доказать, что массы подерживают такое чрезвычайно опасное для построения социализма дело, имя которому зазнайство и головотяпство.

Этим самым Вы взялись быть идеологом и певцом этого антиленинского дела ради утверждения культа личности и причинили очень много зла своей Родине.

Вы можете сказать, что все это к Вам не относится. Что Вы как художник писали то, что видели. Однажды на вопрос: «Как Вы отбирали материал для “Поднятой целины”?», Вы ответили: «Мне не надо было его отбирать. Он был у меня под ногами. Я просто сгреб его в кучу и обработал».⁴⁷

Разберемся в этой сгребанной куче (sic! — *И. К.*) и проанализируем, как Вы ее обработали.

Главный герой «Поднятой целины» Давыдов как только только (sic! — *И. К.*) приезжает в район, так сейчас же заявляет секретарю райкома Корчжинскому: «Почему не проводите линию Сталина?»

Корчжинский начинает его вразумлять: «Ленин учил нас так и так...» — «А Сталин, что, по-твоему, ошибается», — побагровев, сказал Давыдов. Заставил Корчжинского искать газету со статьей Сталина и заявил ему: «Буду проводить линию ЦК». Корчжинский опять попытался вразумить его: «Сталин — это еще не ЦК». — «Нет, Сталин — это линия ЦК». ⁴⁸ И дальше Давыдов последовательно на протяжении всего романа отождествляет личность Сталина и ЦК. Даже больше, я бы сказал, растворяет ЦК в личности Сталина.

Вы как писатель должны знать, что только феодализм отождествлял государство с личностью монарха. Для партии же, строящей коммунизм, — это просто позор терпеть один намек на средневековье. Но Вы этого не устыдились, так как и того, что решили сталинские принципы коллективизации изобразить «мудрее» ленинских. Вы решили показать, что сталинские методы коллективизации «сверху» всенародно поддерживаются «снизу». Как же? Творцы новой жизни — это сам народ. А раз народ «поддерживает», значит, головокружение не может быть головотяпским. Логика разумная. Только-то поддержку-то, изображенную Вами, ЦК двадцать лет исправляет, да еще и XX съезд вынужден был заниматься этим. Вот Ваша логика с исторической и документальной разошлась.

Однако Вам верили. Никто не осмеливался сказать, что это великое очковтирательство. Ну, как же не верить? Сталин в своей статье «Год великого перелома» объявил, что сплошная коллективизация прошла успешно. В действительности же коллективизация по числу крестьянских дворов в 1931 г. была 23% и даже в 1934 г., после решительных мер ЦК по исправлению ошибок, допущенных *Сталиным и его ретивыми последователями*, коллективизация едва достигла 70%. Но для этого за четыре года, последовавших после выхода в свет Вашего романа, ЦК была проделана гигантская работа: пущены два тракторных завода (Сталинградский и Харьковский) закуплены в Америке тракторы, организованы МТС и сделаны большие экономические вложения в колхозы.

16 съезд партии решительно потребовал исправления допущенных ошибок. Н. К. Крупская говорила на съезде: «Я должна сказать, что относительно необходимости самой энергичной борьбы с перегибами не может быть никакого сомнения, надо организовать массы по-новому в крепкие коллективы»⁴⁹. М. И. Калинин говорил об ущемлении психологии крестьянства, которая в Вашем

романе совершенно отсутствует.⁵⁰ *Вы своих колхозников изображаете, как Аракчеев своих солдатиков — «оловянными».*

Вы должны знать, что партия сталинскую линию в колхозном строительстве выправляла и выправляет до сих пор. Ведь XX съезд партии, на котором Вы присутствовали, вынес ряд важнейших решений по исправлению искривлений в колхозном строительстве. *За вредительство в колхозном строительстве судили Берия*⁵¹. *А ведь его линия есть продолжение сталинской. А идеологом ее являетесь Вы, потому что возвеличили в своем романе как «мудрую» сталинскую политику, «поддержанную самими массами».*

Присутствующий на Съезде Эдуард Кардель выступил на страницах «Правды» (25 мая 1956 г.) со статьей «О политике кооперирования сельского хозяйства Югославии». В ней автор раскрыл ленинское положение о кооперировании, указав, что никакие общественные формы не могут считаться правильными, если они ведут не к росту, а к снижению производительности труда, и что капиталистический и неэкономический способ создания трудовых кооперативов (т. е. сталинский метод) сопровождается многими вредными явлениями и имел отрицательные экономические и политические последствия⁵².

А Вы все еще и во второй части романа пытаетесь доказать, что на одной агитации и администрировании, без тракторов, без техники и без экономической помощи государства, одним магическим решением «кроссвордов» Ваш Давыдов построит сталинский колхоз. Поздно. Теперь всякий ученик понимает, что это очковтирательство и лицемерие⁵³.

Как же Вы теперь сможете сказать, что все это не относится к Вам. Если бы Вы, как честный художник, как Л. Н. Толстой, например, срывали бы маски с ренегатов, двурушников, лицемеров и головотяпов, Вы были бы истинно художественны и велики. А вы, наоборот, старались замаскировать их и выдать за истинных благодетелей народа. Этим самым Вы превратились в идеолога того зазнайства, лицемерия и двурушничества, которые покрыла статья «Головокружение от успехов». *Ведь одним этим иезуитским названием Сталин амнистировал всех головотяпов и двурушников.* Как же не амнистировать? Ведь они победители, добились успехов. А победителей не судят. ЦК называет это искривлениями, а за искривления судят, да еще на чистке исключают. А тут тебе ни суда, ни чисток, все амнистировано. Пострадали крестьяне, но они не в счет. Вот эту «прелестную» социалистическую

идеологию Вы и защищаете в своем романе «социалистического гуманизма». Давыдов раскулачил Гаева, имеющего одиннадцать человек детей, имущество его разделили, а когда Гаева восстановили, то очень легко и без зазрения совести заявил ему: «Вот барахлишко твое мы разделили, ну да ничего, выпишем тебе со склада муки на прокормление».⁵⁴ Как уполномоченный, юридически отвечающий за все безобразия, в действительности Давыдов у Вас ни за что не отвечает. Нагульнова *ленинец Корчжинский исключает из партии*, но его восстанавливают. Пострадал один бедный Корчжинский за то, что стойко держался ленинских принципов.

Так Ваша «Поднятая целина» превратилась в *катехизис культа личности* и стала она тем пробным камнем, на котором распознается человек. По тому, кто как относился к «Поднятой целине», приверженцы культа личности распознавали своих сторонников. Кто головоугодничество, зазнайство и лицемерие, т. е. все то «головокружение», которое породил сам Сталин и поэтому его амнистировал, кто считал это «мудрой политикой», тот, естественно, восхищался и «Поднятой целиной» и считался правоверным сталинцем, а кто, наоборот, «морщился» и удивлялся, как это такая вульгарная книга может восхитить, тот попадал в разряд врагов.

Такова истинная идея и таково значение Вашего романа. Для целей культа личности он оказал неоценимую услугу. Ясны для нас теперь и те приемы, какими Сталин сделал Вас своим идеологом. В 1929 г., за полгода до Вашей аудиенции у него, он писал Феликсу Кону: «Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем “Тихом Доне” ряд грубых ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что “Тихий Дон” никуда негодная вещь, заслуживающая изъятия из продажи?» (Ю. Лукин. Мих. Шолохов, с. 41)⁵⁵ (Сталин, т. 12., стр. 112).⁵⁶ *Он поймал Вас на ошибке и амнистировал, но для того, чтобы дать Вам заказ на «Поднятую целину».* Вот теперь все становится на свое место. И понятно, почему Вам прощают то, что ни одному писателю не прощают. Вам прощают и *Ваш вульгарный тон, Ваш ужасный казацкий язык, Ваши политические ошибки:* проповедь троцкизма. Вам прощают даже *Вашие мелкотравчатые выступления на съездах* о мутном потоке серенькой советской литературы, который больше всего потемнел от вашего произведения.⁵⁷ Вам прощается все это потому, что Вы «придворный» идеолог культа личности. *Как не к лицу роль Фаддея Булгарина советскому писателю!*

После разоблачения со стороны ЦК культа личности некоторые закоренелые приверженцы этого культа пытаются бросить тень подозрения на ЦК, спрашивая: «А где же ЦК был ранее, почему молчал при жизни Сталина?»

ЦК боролся против культа личности и при жизни Сталина, но подобные Вам теоретические и практические идеологи действовали за спиной ЦК. Под крылышком Сталина культ личности вырос в целое социальное зло, ЦК и в настоящее время борется с этим. Но много еще остатков, которые надо корчевать. Много еще маниакальной уверенности в собственном важном значении своей персоны для государства у бюрократов. Много у нас вульгаризаторов науки среди недоучек, именуемых научными сотрудниками. Главное же зло культа личности в расслабляющем действии на волю и психику молодого подрастающего поколения, усыпляя его творческую энергию и разжигая низменные инстинкты: лицемерие, очковтирательство, беспринципность и двурушничество, компромиссность и головоутиение, лесть, угодничество, а в руководстве — гастролерство.

Я долго задержался на идейной стороне Вашего романа потому, что она принесла особенно много вреда, так как искусно замаскировала общей бесспорной и благородной целью организации колхозов. Но всякий сразу разберется, что во имя этой благородной цели совершается отступничество от ленинизма, двурушничество и игнорирование конституции с ее учреждениями: прокурором, судом и законами.

Перейдем теперь к художественным достоинствам Вашего романа.

Одно из самых значительных мест по своей смысловой и эмоциональной нагрузке в Вашем романе, это описание ночи в главе девятнадцатой. Это описание идет сразу же после рассказа о распределении конфискованной кулацкой одежды. (В скобках замечу, что мародерство, дележка кулацкого имущества были категорически осуждены и запрещены Постановлением ЦК от 14 марта 1930 г., так как это подобно еврейским погромам, организовывавшимся царской охранкой, и легко наводит на мысль, что *ГПУ соревнуется с охранкой*. И это воспитывает неуважение ко всякой собственности: и частной, и колхозной, социалистической.)

Далее. «Бедняки из бедняков, сияя глазами, светлея смуглыми лицами от скупых дрожащих улыбок, торопливо комкали свое старое,

латаное-перелатанное веретъе, облачались в новую одежду, сквозь которую уже не просвечивало тело»⁵⁸.

В гражданскую войну голодный и разутый красноармеец знал, что его расстреляют, если он совершит мародерство. А у Вас люди, нарушившие революционную законность и не желающие выполнять специального Постановления пленума ЦК от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями парглинии в колхозах» — эти правонарушители не только не наказываются, но сияют и светлеют. *Давыдов, обязанный вести борьбу с искривлениями как уполномоченный центра, сам их совершает.*

Знаток психологии преступного мира Достоевский утверждает, что ни один закоренелый бандит не «светлеет» и не «сияет глазами» после того, как нарядился в награбленное, а спешит залить угрызения совести вином. А у вас, по мановению вашего художественного жезла, русские люди превратились в зверей, хуже бандитов Достоевского. Где же здесь выполнение требований XX съезда? И Ленина?

«Задача наших ученых, художников слова, всех работников в области идеологии состоит в том, чтобы показать и раскрыть величие советской социалистической идеологии» (т. Шепилов. Речь на XX съезде, стр. 20). А у Вас получается такая идеология, которая учит грабежу и легкой жизни за чужой счет.

Становится ясным, откуда за границей о нас такое мнение, о котором говорил тов М. А. Суслов на XX съезде.

«Враги коммунизма изображают коммунистов как сторонников вооруженных восстаний, насилия и гражданской войны всегда и во всем. Это вздорная клевета на коммунистов» (М. А. Суслов, Речь на XX съезде, стр. 13).

Преступное противоречие: ЦК уверяет, а Шолохов опровергает.

Вы скажете, что я на Вас клеветчу. Нет, я Вам сообщаю самую дружескую и благожелательную критику. Отсюда представьте, как комментируют Вашу «Поднятую целину» враги.

Об этом можно догадаться по следующему факту. Когда прогрессивного писателя Зап. Германии Леонгарда Франка во время его пребывания в СССР (Лит. Газ. № 127 от 25/X-55) спросили, какие произведения советской литературы ему нравятся, он назвал ряд хороших, но не упомянул «Поднятой целины», а когда спросили его мнение об этой книге, то он ответил: «Я знаком с этим романом, но ничего о нем сказать не могу. Из этого типа произведений мне нравится Бабаевского “Кавалер золотой звезды”, хотя у вас

это произведение находят плохим»⁵⁹. Леонгард Франк нашел в себе мужество похвалить то, что у нас хаюют, но умолчал о том, что у нас превозносят. Это очень знаменательно.

На самом деле, что мог сказать Леонгард Франк о Вашей книге? Разве только то, что главный герой *Давыдов*, человек, вступающий на каждом шагу в компромиссные сделки со своей совестью, оказывающийся двурушником и по отношению к своим товарищам, и к партии, производящий насилия, в хозяйственном отношении не представляющий для колхозников авторитета и являющийся носителем идеи культа личности, что такой человек почитается в СССР за стопроцентного большевика? Не мог Леонгард Франк так оскорбить тех, к кому он приехал в гости. Долг вежливости удержал его высказать правду. Однако Вы как писатель должны знать, что за границей изучают историю, знают Пизистратов и Гиеронов, считают их отвратительными, но еще омерзительнее выглядят восхваляющие их.⁶⁰

На какой документ может сослаться Аденауэр, кроме как на вашу «Поднятую целину», когда он торжественно на весь мир заявляет: «Мы предпочитаем просвещенный эгоизм США вульгарному социализму СССР»⁶¹.

Вот как, Михаил Александрович, обернулась против Вас история. А ведь Вы инициатор «круглого стола» литературного мира⁶². Мне стыдно за советский народ, что именно Вы взяли за выполнение завещания Белинского: «Счастливы потомки наши, которые увидят Россию во главе просвещенного мира».⁶³

Ваша фигура теперь уже является тормозом для ЦК в этом благородном деле. Пусть позор этот, что страну, где господствует дискриминация, все же предпочитают нам, падет на Вашу голову.

Коротко о Вашей «могучей» художественности. Знаменитый «московский ветер» в той же главе девятнадцатой (кстати, позаимствованной у Шухова из «Ненависти»⁶⁴) природой воспринимается как оживляющее дуновение⁶⁵. А как воспринимается людьми? Художество требует тождественности. А у Вас в романе людьми он воспринимается, наоборот, «принижаяще». Вот примеры. «Разметнов ходит по хутору, с уверенной ухмылкой, поигрывающей в злобноватых его глазах, и грозит — “Мы им рога посвернем! Все будут в колхозе”» (Глава 12, стр. 78, изд. 1952)⁶⁶. Это уже после раскулачивания: кулаки ликвидированы, следовательно, слова эти относятся к середнякам. Давыдов с боем отнимает быков у вышедших из колхоза середняков и вообще не возвращает им имущества.

«Притих Гремячий лог» — это Ваше буквальное выражение в главе восемнадцатой⁶⁷. Вот какое, далеко не художественное, расхождение в восприятии ветра природой и людьми.

Вам как писателю должна быть известна истина, подтвержденная всем ходом человеческой истории: «Истина сияет собственным светом, и не подобает просвещать умы человечества кострами инквизиции»⁶⁸, «ибо из каждой обиды рождается месть».

Однако весь Ваш роман «Поднятая целина» далек от этих истин. А вот в романе «Тихий Дон» эти истины чувствуются и художественно изображены Вами. Позволительно спросить Вас: почему Вы изменили сами себе и, как Гоголь, начали восхвалять «кнут и нагайку»?⁶⁹

Вы изобрели, как Гоголь, свою собственную «умиротворяющую философию». «Травой зарастают могилы — давностию зарастает и боль»⁷⁰, и, по-видимому, решили доказать миру, что от всякой обиды остается «оживляющая» и «зарастающая» боль. Эта ваша своеобразная философия отрицает и рубцы от ран в медицине, и психические травмы в нравственности и смахивает на желание Гоголя приготовить себе праведную загробную жизнь ценой втаптывания в грязь земной жизни. Разница большая: Гоголь был уже психически болен, а Вы здоров и невредим.

Из всего этого получилась одна досадная истина: Вы подтвердили миру старую клевету на марксистов, что они «отрицают сознательную деятельность людей, подчиняя ее неумолимой объективной действительности». И получились у Вас колхозники, как арачьевские оловянные солдатики: «Сделают все, что им прикажут».

Должны же Вы, наконец, понять, а вместе с Вами и все восхваляющие Вас критики, что коммунизм вырастет только из сознательного и творческого участия масс, а не из пассивного их согласия ради того, чтобы отвязать[ся] от назойливой агитации и административного нажима.

Вы вправе задавать мне вопрос: «А почему Вы молчали до сих пор?»

Должен Вам напомнить, что в 1933 г., вскоре после московской дискуссии по Вашему роману, на которой присутствовали Горький и Луначарский, группой литераторов и студентов было Вам послано письмо через Горького — там есть и моя подпись⁷¹. Напомню Вам, о чем мы писали.

Почему Вы изобразили одни лишь перегибы и игнорировали следующие партийные документы?

1) Постановление ЦК от 3 января 1930 г. «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству»;

2) Постановление Пленума ЦК от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении»;

3) Наконец, постановления 16-го съезда партии, где категорически была осуждена та мысль, которая проводится в Вашем романе: «Крестьянин пришел в колхоз голеньким, распродал всех лошадей, порезал коров и свиней и пришел в колхоз, освобожденный от всякого имущества: давайте-де средства производства, я готов стать колхозником за государственный счет» (стен. отчет XVI съезда, с. 573)⁷².

У Вас в романе проводится даже такая мысль: так как государственных средств еще накоплено не было, то давайте коллективизироваться за счет кулаков, их тоже мало, поделим их имущество, а колхоз будем строить за счет середняков. Вот эта порочащая колхозы мысль и проведена в Вашем романе, и сколько бы критика ни доказывала противное, этого в романе не скроешь.

В романе ясно написано: всем вышедшим из колхоза середнякам имущество обратно возвращено не было. Этим возмущился даже Нагильнов. Вот теперь представьте, как враги козыряют этим.

Гримасы истории Вы выдаете за подлинную историю. В. И. Ленин писал: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие... Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как “во имя исторического материализма” рисовать себе будущее, в этом отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того...» (Н. С. Хрущев, Отчетный доклад XX съезду, стр. 41)⁷³.

Доказательством того, что раскулачивание и коллективизация в многочисленных районах СССР шли по различному пути, служит роман Панферова «Бруски». Там как раз перегиб в обратную сторону: изображено вращение кулака в социализм.⁷⁴

А в романе Ивана Шухова «Ненависть» идеологически правильно выдержаны ленинские принципы коллективизации. В поселке два колхоза: бедняцкий и кулацкий. Первый процветает, а второй разваливается. И художественно Вы чувствуете жизнь обоих колхозов и борьбу между ними. Кстати, отмечу, что при параллельном одновременном чтении обоих романов выявляются очень многие позаимствования. Уместен вопрос: кто у кого делал позаимствования? Кого из вас судить за плагиат?

Совсем по-другому происходит раскулачивание по соседству с Вашим Гремячим Логом в станице Вальяновской по роману Ставского «Разбег».⁷⁵ Там партячейка старательно оберегает себя от отождествления с милицией и ГПУ. А в Вашем романе секретарь партячейки Нагульнов и агитатор, и милиционер, сам арестовывает, и следователь, и судья, сам убивает. Одним словом, полное срастание партии с государственными органами, т. е. претворение в жизнь троцкистской теории о срастании аппаратов.

Когда сопоставишь все четыре романа, написанные на одну тему и об одном и том же историческом факте, то получается очень печальный для Вас вывод. Три романа хотя и не совершенны по своим художественным достоинствам, но вреда Родине не принесли и к «мутному потоку», так бичуемому Вами, их причислить нельзя. *А вот Ваш роман «кроваво-грязный» и один вреда принес больше всего потока, взятого в целом.*

В редакционной статье «Литературной газеты» «Жизнь и литература» от 8/V-56 № 54 признается: «Культ личности, действительно, нанес нашей литературе большой вред. Он сказался прежде всего в непосредственном восхвалении личности Сталина во множестве произведений литературы и искусства. Это возвеличение неизбежно умаляло историческую роль партии, народных масс, мешало искусству глубже проникнуть в толщу жизни, находить и ярко показывать подлинные народные характеры».

Это беззубое признание и Вас стрижет под одну гребенку, а пожалуй, даже и оправдывает, так как Вы не умаляли роли народных масс, а наоборот, выпятили эту роль для восхваления / Сталина.

Теперь, будем надеяться, поймут, что не зря Александр Фадеев так упорно противился напечатанию «Поднятой целины».

Многие хвалили Сталина, но какого? У него, как у двуликого Януса, было две стороны: одна парадная, ленинская, а другая «тыльная». Мнящая себя непогрешимым. Все писатели в простоте своей душевной хвалили «парадного» Сталина, какого знали мы все. И только Вы один из всех хвалили его тыльную сторону и *восхваляли именно за то, что он изменил ленинским принципам и вставил свои собственные, причинившие много вреда в колхозном строительстве.* И за это Вы один за всех писателей должны держать ответ перед народом.

Гоголь в своей «Авторской исповеди» заявлял, что он учится на упреках друзей⁷⁶. Быть вашим другом я считаю для себя позором,

но упрек, как читатель, как гражданин и, наконец, как отец детей, которые выучились по вашей книге лицемерить и двурушничать, — я имею право не только упрекать, но и требовать общественного суда.

*От руки: Подписываю тем же именем, что и первое письмо
Евгений Землянский (Зиберов).*

Подготовка текста и публикация М. Майофис и И. Кукулина, комментарии И. Кукулина

Примечания

[#] Первые результаты этого возрождения были обобщены в книге: [Рейтблат, Фролова 1987]. Дальнейшее развитие социологии чтения и библиотечного спроса представлено в указателе: [Рейтблат, Воловельская, Трофимова 2004]. См. также: [Дубин 1989]; [Дубин, Гудков 2005]; [Российское библиотековедение 2003].

¹ [Brooks 1986] (второе, переработанное издание под тем же названием: Evanston: Northwestern University Press, 2003); [Рейтблат 2001]; [Рейтблат 2009].

² Характерный пример см. в статье: [Краснобаев 1948].

³ См. также о методах выработки языка для психологической рефлексии: [Каспэ 2016].

⁴ Единственное, хотя и значимое исключение — случаи «возвращенной литературы» конца 1950-х (Саша Черный, Марина Цветаева, Исаак Бабель...) и конца 1980-х гг. См. анализ одного из таких сюжетов в статье Дмитрия Козлова в этом же номере «Детских чтений».

⁵ Из «перестроечных» статей на эту же тему см.: [Коновалова 1990].

⁶ Тот же Кириленко на момент написания письма был первым секретарем Свердловского обкома КПСС.

⁷ Состав адресатов был подобран тщательно: Зиберов явно старался привлечь к своему письму внимание высокопоставленных деятелей, заведомо плохо относившихся к автору «Поднятой целины». На Суркова Шолохов обрушился с нападками в своей речи на XX съезде КПСС, поэт резко ответил ему на закрытом собрании партийной организации Литературного института, организованном «для обсуждения XX съезда» — иначе говоря, для информирования литинститутских коммунистов о секретном докладе Хрущева. Допущенное Сурковым «отступление от сценария» было в очень кислом тоне прокомментировано функционерами ЦК КПСС в специальной записке, посвященной этому инциденту [Доклад Н. С. Хрущева 2002: 429]. Если о речи Суркова Зиберов вряд ли знал, то материалы XX съезда он читал очень внимательно. Гладков же был известен как недоброжелатель Шолохова на протяжении нескольких десятилетий. В конце 1920-х гг. был одним из самых энергичных пропагандистов версии, согласно которой Шолохов украл текст «Тихого Дона» у неизвестного писателя, погибшего на Гражданской войне (см. о выступлениях Гладкова в письме Шолохова к жене от 23 марта 1929 г.). На Втором съезде писателей Гладков в своем выступлении негативно отзывался об агрессивно-эпатажной речи Шолохова, произнесенной на том же мероприятии.

⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 9. Л. 31.

⁹ Само письмо 1933 г. нам пока найти не удалось. Часть писем читателей к Шолохову сгорела во время пожара в доме писателя в период Великой Отечественной

войны. Избранные письма читателей 1930–1970-х гг. из сохранившейся части личного архива писателя в Музее-заповеднике Шолохова в станице Вешенской только теперь готовит к печати исследовательская группа в Институте мировой литературы в Москве; выход книги ожидается в 2018 г. [Корниенко 2014]. На сегодня существуют несколько публикаций таких писем, подготовленных Н. В. Корниенко – см., например: [Корниенко 2003]; [Корниенко 2014].

¹⁰ См. комментарии к публикации писем Зиберова.

¹¹ Под текстом Макарьева датировка: «Февраль—апрель 1933 г.». Горький сблизил Панферова, Шухова и Шолохова в «Открытом письме А. С. Серафимовичу» (1934) и в речи на втором пленуме Правления Союза советских писателей 7 марта 1935 г.; публикацию обоих этих текстов см.: [Горький]. В 1956 г. такое сближение уже не использовалось: Шолохов официально считался главным автором, писавшим о коллективизации. Ставский погиб в 1943 г., а Шухов по-прежнему публиковался регулярно, но по своей известности сравниться с Шолоховым не мог. Хотя дальнейшая биография Шухова не имеет отношения к сюжету этой статьи, интересно отметить, что в 1963 г. писатель возглавил казахстанский журнал «Простор», сделал его одним из самых либеральных советских изданий и был снят с должности в 1974-м за публикацию фрагментов из романа Фредерика Форсайта «День шакала»: боевик с описанием политического убийства оказался опубликованным по-русски непосредственно перед поездкой Л. И. Брежнева в Казахстан, и КГБ счел его инструкцией для потенциальных террористов [Баймухаметов 2009].

¹² Цит. по: [Справка].

¹³ Следует учесть, что это письмо было опубликовано в последний день работы съезда — то есть, видимо, написано оно было вечером того же дня, когда Шолохов выступил с речью.

¹⁴ Зиберов явно не соглашается с официальной интерпретацией самоубийства Фадеева — алкоголизм.

¹⁵ О значении жанра жалоб в 1930–40-е годы см.: [Fitzpatrick 2005]; библиографию по советским жалобам см.: [Fedorova 2014]. В 2010-е гг. советские жалобы в органы власти становятся предметом подробного исследования: 8–9 марта 2013 г. в Принстонском Университете была проведена конференция «Cultures of Grievance in Eastern Europe and Eurasia», впоследствии на основе докладов, представленных на этой конференции, был подготовлен тематический выпуск журнала «Laboratorium» (2014. № 3).

¹⁶ Что не мешает тому же Зиберову пересказывать «Авторскую исповедь», призванную показать, что Белинский неправ, как и другие критики «Выбранных мест».

¹⁷ Более подробно об истории этого термина см.: [Hunt 1997].

¹⁸ О нагнетании моральной паники в обществе в ситуации кризиса см., например: [Thompson 2007].

¹⁹ Разрядка оригинала заменена курсивом.

Недоброжелательные читатели писали гораздо резче: «... В лице Разметнова достаточно, не беспристрастно описал Шолохов перекручивания, загибы, которыми такие “герои”, как Разметнов и многие другие, довели южные края (Украина, Северный Кавказ) до таких головокружительных успехов, что и сейчас не оправятся после смертельного ужасного голода в 31-м» (письмо декабря 1935 г., подписано «Ваши искренние друзья», имена авторов в публикации не указаны: [Корниенко 2003: 489]).

²⁰ Я оставляю за скобками важный вопрос о том, насколько этот культ насилия, характерный и для «Донских рассказов», Шолохов взял из «воздуха эпохи», а насколько — из чтения А. М. Горького с его радикальным нищенством.

²¹ Это заявление авторов учебника опять-таки вызвало недоумение рецензентов (см. цитату в той же статье) — но, по-видимому, Поляк и Тагер хорошо понимали, чего от них ждут.

²² Ф. Гладков жаловался в 1948 г. В. Кирпотину: «[Шолохов] отвратителен мне своим ёрническим отношением к женщине. Наша женщина... умеет сочетать в себе мать и государственного человека. А он назойливо унижает ее и паскудно любит ее как самкой и б...дь» [Кирпотин 2006: 550].

²³ Поэтика описаний телесности у Шолохова сложилась под влиянием сексуальной революции, произошедшей в СССР в 1920-е гг. См. о ней: [Naiman 1997].

²⁴ О сценариях социального действия в сталинской России см.: [Хархордин 2002]; [Золотоносов 2015].

²⁵ См. пассажи вроде: «Враги коммунизма не будут зря платить денег. *Ведь роман рисует радостную для них картину отсутствия законности на Советской земле...*»; «...проповедует контрреволюционную троцкистскую теорию...» и т. п.

²⁶ «Левым уклоном» в конце 1920-х Сталин и его окружение называли троцкизм. По-видимому, Зиберов настолько привык к демонизации троцкизма в период Большого Террора, что сталинизм — точнее, преступления сталинской коллективизации и соединение партийных структур с государственными — тоже полагал формой троцкизма.

²⁷ Эдвард Кардель (1910–1979) — югославский политический деятель, главный идеолог режима Иосипа Броз Тито, автор концепции «рабочего самоуправления». В 1946–1963 гг. — заместитель председателя правительства Федеративной народной республики Югославия (ФНРЮ). Обвинял Ленина и Сталина в создании «бюрократического социализма». В 1955 г. был одним из подписавших декларацию о нормализации советско-югославских отношений, однако в целом очень осторожно относился к сближению с СССР. В декабре 1956 г. Кардель выступил в скупщине (парламенте) Югославии с речью, в которой «задним числом» поддержал венгерское восстание как социалистическое, но согласился признать советскую интервенцию как свершившийся факт. Эта речь привела Н. С. Хрущева в такое негодование, что в дальнейшем о перепечатке выступлений югославского политика в «Правде» речи идти уже не могло. Подробнее см.: [Романенко 2011]; [Стыкалин 2015].

²⁸ О закулисной борьбе вокруг присуждения премии Шолохову см.: [Поливанов 2010]; [Поливанов 2016].

²⁹ Первый после нормализации советско-югославских отношений визит Иосипа Броз Тито в Москву проходил 1–23 июня 1956 г. и был обставлен с невероятной пышностью. В «Правде» практически каждый день визита публиковались репортажи о поездках югославской делегации по СССР.

³⁰ См. примеч. 54.

³¹ Эти утверждения не вполне точны. В Германии перевод первой книги «Тихого Дона» был издан еще в 1929 г., однако в нацистской Германии Шолохова не публиковали вовсе. В Италии же перевод «Тихого Дона» был подготовлен к печати в 1941 г., но вышел только первый том; публикация остальных томов была заблокирована цензурой, и они были изданы только после освобождения Италии от фашистов [Прийма 1972].

³² См.: [Стенографический отчет 1956: I: 274].

³³ Источник этой цитаты — равно как и ее достоверность — нам установить не удалось.

³⁴ Текст Зиберова здесь и дальше можно понять так, что Л. Д. Троцкий призывал к сращиванию партии с государственным аппаратом. В действительности в своих

выступлениях 1923 — начала 1924 гг., составивших потом брошюру «Новый курс» (М., 1924) Троцкий, напротив, предостерегал большевиков от такого срачивания.

³⁵ [Стенографический отчет 1956: I: 204].

³⁶ Имеется в виду следующий эпизод из романа Шолохова: «Лапшиниха выскочила из кухни, неся в одной руке кошелку с насиженными гусиными яйцами, в другой — притихшую, ослепленную снегом и солнцем гусыню. Демка легко взял у нее кошелку, но в гусыню Лапшиниха вцепилась обеими руками. — Не трожь, поганец! Не трожь!

— Колхозная теперича гусыня! — заорал Демка, ухватываясь за вытянутую гусиную шею. [...]

Казалось: еще один миг, и Демка одолеет, вырвет полуживую гусыню из костлявых рук Лапшинихи, но вот в этот-то момент непрочная гусиная шея, тихо хрустнув позвонками, оборвалась. Лапшиниха, накрывшись подолом через голову, загремела с крыльца, гулко считая порошки. А Демка, ахнув от неожиданности, с одной гусиной головой в руках упал на кошелку, стоявшую позади него, давая гусиные насиженные яйца. Взрыв неслыханного хохота оббил ледяные сосульки с крыши» [Шолохов 5, с. 75].

³⁷ Имеются в виду следующие пассажи из романа Шолохова: «Он чудесно помнил, как однажды на мельнице в Тубянском Марина взялась бороться с одним здоровым на вид казаком, задонцем, и, к вящему удовольствию присутствовавших, повалила его да еще и окончательно прибила, прямо-таки изничтожила острым словом.

— Сверху бабы тебе делать нечего, дядя! — переведа дух, сказала тогда она. — С твоей силенкой да с ухваткой только под исподом и лежать, посапливать». [...] Любишкин помнил, каким багрянцем польхали щеки поваленного Мариной казака, когда он поднимался на ноги, измазанный просыпанной на земле мукой и навозом, — а потому выставил вперед согнутую в локте левую руку, предупредил:

— Ты не насакаивай, ей-богу, я из тебя пороховню выбью! Удались отсюда!

— А вот этого ты не нохал? — Марина на секунду высоко подняла подол, махнула им перед носом Любишкина, сверкнула матовой округлостью розоватых колен и сливочной желтизной своего мощного и плотного, как сбитень, тела» [Шолохов: 5: 209].

³⁸ «Закрытое письмо» — очевидный анахронизм; жанр «закрытых писем ЦК» установился в 1930–1940-е гг. Автором или, как минимум, редактором таких писем был И. В. Сталин ([Закрытое письмо 1935]; [Закрытое письмо 1936]; [Закрытое письмо 1951]). «Закрытые письма» рассылались по местным партийным организациям, были написаны в алармистском тоне и направлены на дополнительную психологическую мобилизацию членов партии и насаждение атмосферы секретности, ксенофобии и поиска «врагов». После смерти Сталина в ЦК сохранилась традиция рассылки по партийным организациям «закрытых писем» в сложных политических ситуациях: одним из самых распространенных способов если не решения, то облегчения таких ситуаций была форсированная мобилизация членов партии. По-видимому, откровенность и резкость тона письма Белинского к Гоголю вызвали у Зиберова ассоциации с «закрытыми письмами» ЦК.

³⁹ «Взбаламученное море» — название антинигилистического романа А. Ф. Писемского (1863), отсылающее к состоянию российского общества в период Великих Реформ; употребление взятой у Писемского метафоры — очередное доказательство того, что Зиберов, кто бы он ни был, получил филологическое или литературное образование.

⁴⁰ Имеется в виду книга: [Гура 1955].

⁴¹ Е. Зиберов путает два параллельных сюжета, разворачивавшихся в 1930–1932 гг. Весной 1930 г. Фадеев, прочитав рукопись 3-й части романа «Тихий Дон»,

подверг ее резкой критике в личном письме Шолохову, а вслед за тем несколько раз выступал против Шолохова публично, считая, что писатель, не приведя Мелехова к полному принятию большевизма, делает роман «объективно реакционным» (Шолохов М. А. Письмо Е. Г. Левицкой от 2 апреля 1930 г. [Шолохов 2003: 54–55]). Фадеев в 1930 г. становится главным редактором журнала «Октябрь», где публиковались предыдущие две книги романа. Публикация третьей книги откладывалась несколько раз, редакция «Октября» требовала от Шолохова изменений, на которые он не соглашался. В июне 1931 г. Шолохов встретился со Сталиным на даче Горького в селе Красково Московской области; в беседе Сталин пообещал Шолохову, что третья книга будет напечатана (к этому моменту Фадеева на посту главного редактора сменил Ф. Панферов). Она была опубликована в «Октябре» №№ 1–10 за 1932 г., хотя и тогда печатание сопровождалось многочисленными конфликтами Шолохова с редакцией.

Одновременно с этим Шолохов в конце ноября или первых числах декабря 1931 г. прислал в «Новый мир» (редактором которого был В. Полонский) первую книгу романа «Поднятая целина». Редакция отказалась печатать главы о том, каким насилием сопровождалась коллективизация, и они были напечатаны тоже после личного вмешательства Сталина.

⁴² Эти утверждения верны лишь отчасти. Шолохов, скорее всего, действительно получил прямой заказ от Сталина на роман о коллективизации во время их встречи в Кремле, состоявшейся в первых числах января 1930 г., однако в Берлине он был не до, а почти через год после этой встречи — в декабре 1930. Первую книгу «Поднятой целины» (первоначальное название — «С потом и кровью») он писал почти два года — с января 1930 до ноября 1931, — параллельно работая над третьей книгой «Тихого Дона». Но само представление Зиберова о том, что Сталин мог предложить Шолохову написать новый роман во время январской встречи, — показывает, что автор письма в ЦК был хорошо знаком с московскими литературными слухами 1930–1931 гг.

⁴³ В своей речи на XX съезде КПСС Шолохов процитировал украинскую поговорку «Скоро робят — слепых родят» [Стенографический отчет 1956: I: 584].

⁴⁴ Зиберов цитирует постановление ЦК ВКП (б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», принятое 5 января 1930 г. (NB: в те же дни, когда Шолохов встречался со Сталиным и получил заказ на написание романа о коллективизации).

⁴⁵ Зиберов неточно цитирует «Доклад о работе в деревне», прочитанный Лениным 23 марта 1919 г. на VIII съезде РКП (б). Дословно у Ленина сказано: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: “Я за коммунию” (т. е. за коммунизм)» [Ленин: 38: 204].

⁴⁶ Все эти выражения, кроме «двурушничества», взяты из статьи Сталина «Головокружение от успехов»; слово же «двурушничество» Сталин, как известно, тоже использовал часто.

⁴⁷ «Мне не нужно было собирать материал, — объяснял Шолохов, — потому что он был под рукой. Я не собирал, а сгреб его в кучу...» [Лежнев 1955: 159].

⁴⁸ Имеется в виду следующий разговор Давыдова с Корчжинским: «—...Нет, товарищ, так не годится. Этак можно подорвать всякое доверие к нашим мероприятиям. А что скажет тогда середняк? Он скажет: “Вот она какая, Советская власть! Туда-сюда мужиком крутит”. Ленин нас учил серьезно учитывать настроения крестьянства, а ты говоришь “вторичное задание”. Это, брат, мальчишество.

— Мальчишество? — Давыдов побагровел. — Сталин, как видно... ошибся, по-твоему, а? [...]

Секретарь резко щелкнул замком портфеля, сухо сказал:

— Тебе угодно по-своему истолковывать всякое слово вождя, но за район отвечает бюро райкома, я персонально. Потрудись там, куда мы тебя посылаем, проводить нашу линию, а не изобретенную тобой. А мне, извини, дискутировать с тобой некогда. У меня помимо этого дела, — и встал.

Кровь снова густо прихлынула к щекам Давыдова, но он взял себя в руки и сказал:

— Я буду проводить линию партии, а тебе, товарищ, рубану напрямик, по-рабочему: твоя линия ошибочная, политически неправильная, факт! [...]

“Хромает он на правую ножку... Факт!” — думал он, выходя из райкома» [Шолохов: 5: 12–13].

⁴⁹ Зиберов соединяет в одну фразу два высказывания Крупской, в стенограмме ее речи разделенные несколькими абзацами печатного текста: «Я должна сказать, что относительно необходимости самой энергичной борьбы с перегибами не может быть никакого сомнения. [...] Скажу еще. Надо организовать массы по-новому в крепкий коллектив — эта работа еще стоит перед рабочим классом» [Стенографический отчет 1930: 212, 213].

⁵⁰ Вероятно, Зиберов имеет в виду следующий пассаж из речи М. И. Калинина на XVI съезде: «Мне кажется, что параллельно с развитием колхозного хозяйства, — там, где полеводство, — полеводческого, там, где животноводство — животноводческого, — параллельно с этим должна быть использована и индивидуальная часть имущества колхозника, и притом так, чтобы эта его часть развивалась, конечно, не в ущерб колхозному хозяйству» [Стенографический отчет 1930: 635].

⁵¹ Зиберов неточно пересказывает постановление пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия», датированное 7 июля 1953 г. и разосланное тогда же по всем партийным организациям в виде закрытого письма: «... в последнее время Берия настолько распоясался, что под флагом борьбы с недостатками и с перегибами в колхозном строительстве в странах народной демократии и в ГДР у него стали открыто прорываться антиколхозные взгляды, вплоть до предложения о роспуске колхозов в этих странах. В свете разоблаченных преступлений Берия становится ясным, что он скатывался на враждебные позиции и в отношении колхозного строя СССР» (Цит. по: [Берия 1999: 365–373]).

⁵² Это была не статья, написанная специально для «Правды», а пересказ выступления Э. Карделя (на тот момент — заместителя председателя Союзного исполнительного веча Югославии, члена секретариата ЦК Союза коммунистов Югославии) на пленуме Центрального кооперативного союза Югославии: [Кардель]. Стремясь «умаслить» Карделя, на тот момент — противника сближения Югославии с СССР, партийные функционеры пошли на публикацию пассажей, труднообразимых в советской печати — о том, что меры воздействия на крестьян при вступлении в колхоз должны быть прежде всего экономическими: «... Кампанейский и неэкономический способ создания трудовых кооперативов сопровождался многими вредными явлениями и имел отрицательные экономические и политические последствия... [...] Если бы мы... отказались от других форм сознательных социалистических действий в деревне, прежде всего с помощью экономических средств, мы имели бы совершенно противоположные результаты, чем те, которых ожидают... [...] Мы не выдвигаем никаких шаблонов и догм, а наоборот, допускаем все разнообразие форм, которое необходимо для того, чтобы в полной мере проявилось все разнообразие условий и положительных тенденций, которые характерны для положения в нашей деревне».

⁵³ Главы из второй книги «Поднятой целины» печатались в «Огоньке» с апреля по июнь 1954 г. (№№ 15–17, 21, 23), в 1955 г. — в «Правде». Полностью 2-я книга была опубликована только в 1960 г. (в составе отдельного издания «Поднятой це-

лины»: М.: Молодая гвардия), то есть уже после того, как Зиберов написал и отправил свое письмо.

⁵⁴ «— Как думаешь жить, гражданин Гаев? Единоличным порядком или будешь вступать в колхоз? — Как придется, — отвечал Гаев, не изживший обиды за незаконное раскулачивание. [...] — А имущество мое как же? — Скот твой — в колхозе, сельскохозяйственный инвентарь — тоже. А вот барахлишко твое мы раздали. С этим будет сложнее. Кое-что отдадим, а остальное получишь деньгами» [Шолохов: 5: 289].

⁵⁵ Имеется в виду книга: [Лукин 1952] (впоследствии переиздавалась).

⁵⁶ После того, как эти комментарии были обнародованы в 1949 г. в собрании сочинений Сталина, Шолохов обратился к диктатору со встревоженным письмом, прося объяснить, какой теперь должна быть оценка его романа [Шолохов 2003: 269–271]. Ответа он не получил, после чего явно испугался и в сотрудничестве с редактором К. В. Потаповым существенно переработал «Тихий Дон» для издания 1953 г.; впрочем, при последующих переизданиях Шолохов в основном использовал предыдущую редакцию. Сергей Сырцов (1893–1937), Федор Подтелков (1886–1918) и Михаил Кривошлыков (1894–1918) — участники большевистской революции на Дону. Сырцов лишь бегло был упомянут в первой редакции романа, однако его имя было изъято при последующих переизданиях. В 1929–30-м Сырцов, ставший председателем СНК РСФСР, попытался организовать сопротивление диктатуре Сталина и начал критиковать его публично, за что был снят со всех постов. Впоследствии расстрелян во время Большого Террора. Сталин, по-видимому, возмутился самому факту упоминания Сырцова в положительном контексте. Подтелков и Кривошлыков, как известно, являются довольно значимыми персонажами романа. Сталин, в 1918–1919 гг. не доверявший советским казачьим частям (и прямо сказавший об этом в речи на VII съезде РКП (б) в 1919 г.), вероятно, остался недоволен апологетическим изображением одной из таких частей — под командованием Подтелкова и с Кривошлыковым на посту комиссара.

⁵⁷ Намек на выступление Шолохова на Втором съезде советских писателей: «...остается нашим бедствием серый поток бесцветной, посредственной литературы, который последние годы хлещет со страниц журналов и наводняет книжный рынок (*Аплодисменты*). Пора преградить дорогу этому мутному потоку, общими усилиями создав против него надежную плотину, — иначе нам грозит потеря... уважения наших читателей» [Второй съезд: 374].

⁵⁸ Точная цитата: «На Титковом базу, где Яков Лукич распределял конфискованную кулацкую одежду, до потемок стоял неумолчный гул голосов. Тут же, возле амбара, прямо на снегу разувались, примеряя добротную кулацкую обувь, натягивая поддевки, пиджаки, кофты, полушубки. Счастливицы, которым комиссия определила выдать одежду или обувь в счет будущей выработки, прямо на амбарной приклетке телешлились и, довольно крякая, сияя глазами, светлея смуглыми лицами от скупых, дрожащих улыбок, торопливо комкали свое старое, латаное-перелатаное веретье, облачались в новую справу, сквозь которую уже не просвечивало тело» [Шолохов: 5: 119].

⁵⁹ В указанном номере «Литературной газеты» действительно помещено интервью Леонхарда Франка (1882–1961) [Франк], однако имя Шолохова в нем не упоминается. Франк говорит: «Первая книга советского писателя, которую я прочитал после возвращения из эмиграции на родину — это “Кавалер Золотой звезды” Бабаевского. По-моему, это очень хорошая книга. Я знаю, что не все ваши литераторы согласны с такой оценкой, но меня, западного писателя, поразило умение писателя воплощать тенденцию в образах».

⁶⁰ Писистрат и Гиерон — древнегреческие тираны.

⁶¹ Источник этой цитаты и степень ее достоверности нам установить не удалось.

⁶² «У писателей всего мира должен быть свой круглый стол. У нас могут быть разные взгляды, но нас объединит одно: стремление быть полезным человеку. [...] Я был бы очень рад узнать, что думают на этот счет мои американские, английские, западногерманские и японские коллеги» [Шолохов 1955: 223–224].

⁶³ «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м г., стоящую во главе образованного мира, дающей законы и науке и искусству, и принимающей благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества...» [Белинский: 2: 515]. Вслед за этой фразой у Белинского идут слова: «...Второй век русской литературы, — сердце наше говорит нам — будет веком славным, блистательным...»

⁶⁴ Роман И. Шухова «Ненависть» впервые был опубликован в 1931 г., когда Шолохов дописывал «Поднятую целину». Сам Шухов к тому времени был хорошо знаком с Шолоховым, продолжал с ним общаться и впоследствии. Скорее всего, в этом пассаже Зиберова преломились слухи о том, что «Тихий Дон» является результатом плагиата. Шолохова обвиняли в плагиате несколько раз на протяжении 1928–1930-х гг.; как известно, версию о том, что Шолохов не сам написал свой роман, ряд исследователей отстаивает и сегодня.

⁶⁵ Точная цитата: «... За Ленинским Мавзолеем, за Кремлевской стеной, на вышнем холодном ветру, в озаренном небе трепещет и свивается полотнище красного флага. [...] Коловертью кружит вышний ветер, поворачивает на минуту тязко обвисающий флаг, и он снова взвивается, устремляясь концом то на запад, то на восток, пылает багровым полымем восстаний, зовет на борьбу...» [Шолохов: 5: 123].

⁶⁶ Здесь Зиберов цитирует практически точно: «Андрей [Разметнов] ходил по хутору, осматривая скотины общие базы, с уверенной ухмылкой, поигрывавшей в злобноватых его глазах. Аркашке Менку, возглавлявшему до выборов правления колхоза колхозную власть, часто говаривал: — Мы им рога посвернем! Все будут в колхозе» [Шолохов: 5: 76].

⁶⁷ В тексте Шолохова: «И снова заколобродил притихший было Гремячий Лог...» [Шолохов: 5: 118].

⁶⁸ Неточно воспроизведенная цитата из повести Вольтера «Простодушный», где это изречение приписано одному из персонажей: «Истина сияет собственным светом, и не подобает просвещать умы пламенем костров» (пер. Г. Блока).

⁶⁹ Неточная цитата из известного письма В. Г. Белинского Н. В. Гоголю от 15 июля 1847 г.: «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что Вы делаете? Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною...» [Белинский: 8: 283].

⁷⁰ «Травой зарастают могилы, — давностью зарастает боль. Ветер зализал следы ушедших, — время залижет и кровавую боль, и память тех, кто не дождался родных и не дождетя, потому что коротка человеческая жизнь и немного нам суждено истоптать травы...» [Шолохов: 2: 172].

⁷¹ По-видимому, имеется в виду дискуссия о творчестве Шолохова, состоявшаяся во второй половине февраля 1933 г. в Государственном издательстве художественной литературы. Начался вечер с авторского чтения глав из третьей книги «Тихого Дона», однако выступавшие много говорили и о «Поднятой целине» и высказали множество критических претензий к обоим романам.

⁷² В речи наркома земледелия СССР Якова Яковлева на XVI съезде, которую цитирует Зиберов, эта мысль приписана представителям «правого уклона»: «...Мы слышим голоса правых, открытых и скрытых, насчет того, что будто бы "крестьянин пришел в колхоз голеньким, распродал всех лошадей, порезал коров

и свиней...» [...] Такая легенда гуляет очень широко. Между тем факты опровергают эту легенду целиком и полностью, между тем факты показывают, что это даже не “безобидная” легенда, а просто клевета на колхозное движение».

⁷³ Зиберов приводит по тексту Хрущева сокращенную цитату из статьи Ленина «О карикатуре на марксизм и об “империалистическом экономизме”» (1913) [Ленин: 30: 123].

⁷⁴ Следует оговорить, что первая часть романа Панферова, о которой говорит Зиберов, была написана и опубликована.

⁷⁵ Зиберов ошибается: герои романа В. Ставского «Разбег» (1931) — не донские казаки, как у Шолохова, а кубанские.

⁷⁶ «Никогда и прежде я не пренебрегал советами, мнениями, осуждениями и упреками, увераясь, чем далее, более, что если только истребишь в себе те щекотливые струны, которые способны раздражаться и гневаться, и приведешь себя в состояние все выслушивать спокойно, тогда услышишь тот средний голос, который получается в итоге тогда, когда сложишь все голоса и сообразишь крайности обеих сторон, словом — тот всеми искомый средний голос, который недаром называют “гласом народа и гласом Божиим”» (Цит. по изд.: [Гоголь: 8: 17]).

Источники

Белинский В. Г. [Рец. на кн.:] Месяцеслов на (високосный) 1840 год... // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. Ред. Н. К. Гей. Подг. текста В. Э. Богграда. Статья и примеч. В. Г. Березиной. М.: Художественная литература, 1977.

Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигаев. М.: МФД, 1999.

Второй Всесоюзный Съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 г. Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1956.

Гафуров Б., Гиндин А. Письмо в редакцию // Литературная газета. 1956. 28 февраля. С. 8.

Гоголь Н. В. Соч. Т. 8. СПб.: А. Ф. Маркс, 1900.

Горький А. М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 27. М.: ГИХЛ, 1949.

Гура В. В. Жизнь и творчество М. А. Шолохова: Пособие для учителей. М.: Учпедгиз, 1955.

Доклад Н. С. Хрущева о культуре личности Сталина на XX съезде КПСС: документы. Под ред. К. Аймермахера. М: РОССПЭН, 2002.

Закрытое письмо ЦК ВКП(б): Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова (1935) // Сталин И. В. Соч.: в 18 т. Т. 16. М.: Издательство «Писатель», 1997. С. 277–285.

Закрытое письмо ЦК ВКП(б): О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока (1936) // Сталин И. В. Соч.: в 18 т. Т. 16. С. 286–313.

Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов 2 апреля 1951 г. // Сталин И. В. Соч.: в 18 т. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 676–685.

[Кардель] О политике кооперирования сельского хозяйства Югославии. Выступление Эдварда Карделя / [Пер. с сербскохорватск.] // Правда. 1956. 26 мая. С. 3–4.

Кирпотин В. Ровесник железного века. М.: Захаров, 2006.

Коновалова И. Михаил Шолохов как зеркало русской коллективизации // Огонек. 1990. № 25.

[*Корниенко*] «Прошу ответить по существу...»: письма читателей о «Поднятой целине» и «Тихом Доне» 1933–1938 гг. [из архива ГИХЛ] / [Публикация Н. В. Корниенко] // Корниенко Н. В. «Сказано русским языком...» Андрей Платонов и Михаил Шолохов: встречи в русской литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2003.

Лежнев И. О прототипах героев «Поднятой целины» // Нева. 1955. № 2.

[*Ленин 30*] Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» (1913) // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд. 5-е. Т. 30. М.: Издательство политической литературы, 1970.

[*Ленин 38*] Ленин В. И. Доклад о работе в деревне (1919) // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 38. М.: Издательство политической литературы, 1969.

Макарьев И. К прошлому нет возврата. О романе М. Шолохова «Поднятая целина». М.: Советская литература, 1934.

Справка по истории ГОУ СОШ № 14 г. Екатеринбурга. URL: http://школа14.екатеринбург.рф/files/sc14_new/e214f510e8fcad1a67a870d6e4432f66.pdf

Стенографический отчет 1930 — XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии. Стенографический отчет. М.; Л.: Государственное издательство, 1930.

Стенографический отчет 1956 — XX съезд коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. Стенографический отчет: в 2 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956 (римская цифра при цитировании этого источника означает номер тома).

Франк Л. О написанном и задуманном / Пер. с нем. // Литературная газета. 1955. 25 октября. С. 2.

Храбровицкий А. В. Очерк моей жизни. Дневник. Встречи / вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. П. Шикмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Шолохов М. А. Письмо в редакцию журнала «Иностранная литература» // Иностранная литература. 1955. № 2; под заголовком «Благородные задачи» перепечатано в «Правде»: 1955. 21 августа (№ 233).

Шолохов М. А. Письма / Под общей ред. А. А. Козловского, Ф. Ф. Кузнецова, А. М. Ушакова, А. М. Шолохова. М.: ИМЛИ РАН, 2003.

[Шолохов 5] *Шолохов М. А.* Тихий Дон. Кн. 2 // Шолохов М. А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1985.

[Шолохов 8] *Шолохов М. А.* Поднятая целина. Кн. 1 // Шолохов М. А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1986.

Исследования

Баймухаметов С. Иван Шухов и Фредерик Форсайт // Русский базар. 2009. № 3 (665). URL: <http://russian-bazaar.com/ru/content/14194.htm>

Добренко Е. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997.

Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Дубин Б., Гудков Л. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 166–202.

Дубин Б. В. Социальный процесс и динамика литературных образцов // Массовый успех (сб.). М., 1989. С. 63–119.

Жукова В. Н. История изучения Шолохова в высшей и средней школе (1-я часть) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. № 2. С. 181–199.

Зезина М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–1960-е годы. М.: Диалог-МГУ, 1999.

- Золотоносов М.* Охота на Берггольд. Ленинград 1937. СПб.: Мирь, 2015.
- Каспэ И.* «Мы живем в эпоху осмысления жизни»: Конструирование поколения «шестидесятников» в журнале «Юность» // Новое литературное обозрение. 2016. № 137. С. 130–148.
- Корниенко Н. В.* «Пишет Вам письмо читатель...»: Научный проект «Письма читателей к М. А. Шолохову» // Мир Шолохова. 2014. № 1. С. 7–37.
- Краснобаев И. М.* Герои учащихся VIII–X классов средних школ // Советская педагогика. 1948. № 4. С. 72–79.
- Лейбович О. Л.* Без черновиков: Иван Прокофьевич Шарапов и его корреспонденты. 1932, 1953–1957 гг. Пермь: Издательство Пермского гос. техн. ун-та, 2009. [Летопись 2005] Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества: (материалы к биографии) / сост. Н. Т. Кузнецова. М.: Галерея, 2005.
- Лукин М.* Михаил Шолохов: Критико-биографический очерк. М.: Советский писатель, 1952.
- Поливанов А.* Пастернак и Шолохов в невольной борьбе за нобелевскую премию 1958 г. (по данным архивных материалов Шведской Академии) // Препринт кафедры русской литературы Тартуского университета. Тарту, 2010/ URL: <http://www.ruthenia.ru/document/549933.html>
- Поливанов А.* Почему Шолохову не могли не дать Нобелевскую премию в 1965 г.? // Информационный портал «Медуза». 2016. 25 янв. URL: <https://meduza.io/feature/2016/01/25/pochemu-sholohovu-ne-mogli-ne-dat-nobelevskuyu-premiyu-v-1965-godu>
- Пономарев Е.* Учебник литературы в советской школе. Идеологическая поэтика. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.
- Прима К. И.* «Тихий Дон» сражается. Ростов-на-Дону, 1972.
- Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении: историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы — М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- Рейтблат А. И., Воловельская Т. П., Трофимова В. Б.* Социологические исследования чтения в России: Аннотированный указатель литературы (1986–2001 гг.) // Библиотечное дело: XX век. 2004. № 1 (17). С. 244–268.
- Рейтблат А. И., Фролова Т. М.* Книга, чтение, библиотека: советские исследования по социологии чтения, литературы, библиотечного дела, 1965–1985 гг.: аннотированный библиографический указатель. М.: Гос. биб-ка им. В. И. Ленина, 1987.
- Романенко С. А.* Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Российское библиотековедение: XX век: Направления развития, проблемы и итоги / под ред. Ю. П. Мелентьевой. М.: Фаир-Пресс, 2003.
- Стыкалин А. С.* «Наша критика не должна вылиться в крикливую перепалку»: Югославский «ревизионизм» в советской прессе конца 1950-х // Электронный журнал «Мир истории». 2015. № 1. URL: http://www.history.ru/2015/01/2015-01-stykalin.htm#_edn19
- Хархордин О.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Европейский университет, 2002.
- Beach R.* A Teacher's Introduction to Reader-Response Theories. Urbana, IL: National Council of Teachers of English, 1993. P. 49–124.
- Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton: Princeton University Press, 1986.

- Fürst J.* Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J., Roberts B.* Policing the Crisis: Mugging, the State and Law and Order. London; Basingstoke: MacMillan Press, 1978.
- Hunt A.* "Moral Panic" and Moral Language in the Media // *The British Journal of Sociology*. 1997. Vol. 48. No. 4 (Dec.). P. 629–648
- Jauss H. R.* Literary History as a Challenge to Literary Theory (1967). Transl. from German by Elizabeth Benzinger // *New Literary History*. 1970. Vol. 2, No. 1 (Autumn). P. 7–37.
- Kozlov D.* The Readers of *Novyi Mir*: Coming to Terms with the Stalinist Past. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013.
- Mayofis M.* "Individual Approach" as a Moral Demand and a Literary Device: Frida Vigdorova's Pedagogical Novels // *Partial Answers: Journal of Literature and the History of Ideas*. 2015. Vol. 13. No. 1 (January). P. 19–41.
- Naiman E.* Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- [*Thompson 2007*] *The Media and the Rwanda Genocide* / Ed. by A. Thompson. Pluto Press; Fountain Publishers; IDRC, 2007.
- Fedorova M.* "Give Me the Book of Complaints": Complaint in Post-Stalin Comedy // *Laboratorium*. 2014. No. 6 (3). P. 80–92.
- Fitzpatrick S.* Tear Off the Masks!: Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.